

Вероника ШЕВЧЕНКО, 8-й класс, МОУ «Шунгенская средняя школа»
 Руководитель: С.С. Соляник, учитель истории МОУ «Шунгенская средняя школа, школьный краеведческий музей, ДТЮ Костромского района

ПРОШЛАЯ ЖИЗНЬ ДЕРЕВЕНЬ ШУНГЕНСКОЙ ВОЛОСТИ, ИСЧЕЗНУВШИХ С КАРТЫ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Сохранить в памяти

Мы, краеведы Шунгенской школы, хотим рассказать вам о жизни деревень Шунгенской волости, исчезнувших с карты области.

В начале 50-х годов XX в. советское правительство приступило к переселению жителей деревень Митино, Саково, Губачево, Вежи, Сельцо и других к переносу предприятий в связи со строительством Горьковской гидроэлектростанции.

Исчезли не просто деревни. Прервалась экономическая, социальная и культурная жизнь богатых населенных пунктов. Около 5 тысяч человек с болью оплакивали свою историческую родину. Они не могли собраться 9 мая у памятников погибшим военам-односельчанам.

Наш краеведческий поиск — это встреча с жителями деревень Митино, Губачево, Вежи, Неколь-

ское (Сельцо), запись их воспоминаний. Преподаватель энергетического техникума Александр Никитич Разживин, учительница Шунгенской школы Колмакова Серафима Александровна, руководитель музея им. Чижова Вера Ивановна Колчина и другие. Не только поделились своими воспоминаниями, но и подарили школьному музею бесценные фотодокументы тех времен. Судьбы людей села настолько переменились, что получился рассказ о коллективном герое-труженике.

Особенности хозяйства деревень

Уже в начале XX в. каждая деревня имела свое особое хозяйство. Так, например, в селе Саково, Митино были построены овощесушительные предприятия, которые входили в Шунгенский союз картофеле-крахмальный кооперации. Этим союзом в то время было охвачено около 60 % всех крестьянских деревень Шунгенской волости.

Накануне Первой мировой войны они создали настоящее «кооперативное царство»: картофелетерочные заводы (6 шт.), общественные лабазы, чайные, маслосыроварный завод, опытные огороды, артели по обработке земли и т.д. Шунгенский союз оказывал помощь в постройке и создании школ, библиотек, устройстве телефонной связи, развитию народного театра.

Каждая деревня имела кузницу, где изготавливали подковы для лошадей, орудие труда, предметы быта: гвозди, петли для ворот, ведра и т.д., село Никольское изготавливало прекрасные колеса для телег, делали сани, плели маленькие саночки. Здесь была своя пасека и вкусный лечебный мед. В Губачеве ловили рыбу, охотились, сплавляли лес. Плоты из поймы реки выводили вручную, до опре-

Костромское море

Снос домов в деревне Губачево

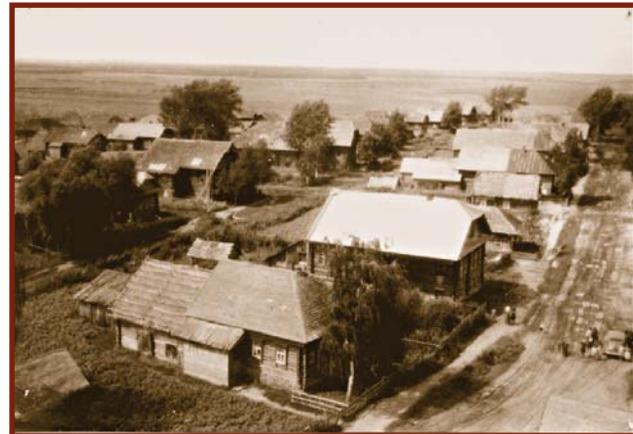
Село Никольское, 1950 г. (вид с колокольни)

деленного места, где за ними подходили парходы-буксиры.

На затопленных весенними водами землях выращивали хмель, его продавали в Вологду и Вятку, сушили, научились фасовать.

На все работы готовили особую одежду. На сенокосе: легкую, светлую из ситца и льна. Удобную обувь: лапти.

Сена заготавливали много, оно шло на корм собственного скота, лошадей, коров, овец (их до 30-х годов было много в каждом доме). В каждой почти деревне была сыроварня частного владельца, появились и общественные, куда крестьяне сдавали излишки молока.

Деревня Губачево перед выселением, 1953 г.

Крестный ход на Пасху, 1916 г., с. Никольское (за рекой Воржа). В центре священник Н.Н. Виноградов

В низах хорошо росла конопля — пенька. Ее выщипывали, мяли, расчесывали и вили веревки для хозяйственных нужд. При свете керосиновой лампы длинными зимними вечерами жужжали веретена и прялки.

Из лозы плели корзины, санки, мебель. В деревне Вежи была организована учебная мастерская по плетению корзин, для хранения овощей.

Деревни строились. Появилось много новых домов, в основном из кирпича. В таких деревнях, как Вежи, Овинцы, Куниково, кирпичные заводы производили в год 150–180 тысяч штук кирпичей.

В годы коллективизации были репрессированы многие семьи. Был сослан на Соловки Н.Н. Виноградов, бывший священник, костромской краевед. В ссылке он познакомился с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, будущим академиком.

В 1933 г. первого председателя колхоза деревни Губачево Никиту Трофимовича Разживина осудили за экономическую контрреволюцию и сослали в Ухтпечлаг, через всю Сибирь он проделал путь до Воркуты. В деревне его очень уважали, собрав подписи, жители Губачева сумели добиться его освобождения. В 1934 г., не дожидаясь попутного транспорта, пять освобожденных зимой пошли пешком домой.

К концу 30-х годов колхозы начали налаживать работу, люди

Гугин Василий, прадед С.А. Колмаковой — учительница МОУ «Шунгенская средняя школа»

приспособились к новой коллективной жизни. Стали ходить на работу с песнями, устраивать праздники.

Возобновили работу чайные, где люди собирались попить горячей воды с сахаром, пообщаться, обсудить дела, поговорить о политике.

Военные годы

Только приспособились крестьяне к новой колхозной жизни, как началась война. Почти всех работоспособных мужчин стали забирать на фронт. Забрали и большинство колхозных лошадей.

Колхозы должны были выполнять госзаказы на поставку мяса, картофеля, рыбы, сена.

Село Митино поставляло в армию сушеные и свежие овощи. Вера Ивановна Колчина работала на Митинском заводе лаборантом-технологом. В 1942 г. из д. Губачево, Митино, Пашутино, Ведерки, Сельцо и др. многие жители работали на этом заводе. В ту пору урожай собирали хороший и полностью. Свежую капусту осенью дружно очищали от земных листьев, грузили на телеги. Много возов тогда отправлялось в город, на фронт.

В бондарном цехе делали бочки. Серафима Александровна Колмакова рассказывает, что ее мать Лидия Александровна работала на пекарне, а отец Гугин Александр Яковлевич с мужиками в мастерской изготовляли не только бочки, но и полозья для саней, колеса для телег! Постепенно всех мужиков забрали на фронт. Сам Александр Яковлевич ушел воевать в 1942 г. (зимой), ему было только 17 лет. От Подмосковья в составе 2-го Белорусского фронта сапером прошагал он до Вислы (Польша). Не раз рисковал своей жизнью, когда в холодной воде наводил понтоны, был контужен. Вернулся с орденами и медалями после окончания войны на Дальнем Востоке.

В 1941 г. ушел воевать Разживин Никита Трофимович, единственный агроном на 6 колхозов.

Стоял 25-градусный мороз, погибали его многие боевые товарищи. Но он выжил и вернулся домой после взятия Кенигсберга. После войны никогда не хвастался своими боевыми подвигами и наградами. И все свои силы отдавал родной земле. Был заслуженным агрономом к/х «Дружба».

Пока шла война, место отцов в бондарном цехе заняли подростки. Летом и осенью везли овощи из всех деревень. Из Ведерок — огурцы, Митино, Губачево — картошку, капусту, Вежи — хмель, мед и другие. Место мужчин на поле занимали женщины. Совсем молоденькой стала работать на тракторе Кислягина Ольга Александровна, в дальнейшем она стала бригадиром тракторной бригады колхоза «Новый путь». Манефа Яковлевна Кислягина вместо отца работала на Митинском овощесушильном заводе. В 1943 г. многих подростков и женщин послали рабо-

Хор певчих Никольской церкви

тать на лесоповал. Годы были трудные, но в рассказах бывших жителей затопленных деревень нас особенно тронуло, как они были дружны, заботливы друг о друге и в труде, и в быту.

Не было деления на эвакуированных и своих. В домах, где расселились приезжие, приняли их, как родных. И потом в дальнейшем до конца жизни они считали друг друга родными.

Память детства военных лет

Из рассказа Александра Никитича Разживина

Война. Мне было шесть лет, когда началась она, и десять, когда кончилась. Расскажу о себе, о своей памяти военного детства.

Помнится, что наша деревня была как проходной двор. Разные люди ходили пешком из города в «барщину» и обратно. Летом из Петрилова в город через нашу деревню провозили огурцы, мы донимали возчиков, а они в нас кидались овощами (что нам и надо было). Постоянно перемещались разные люди с целью обмена товаров. Так, моя тетя Анисья на санках перевозила за лес лук, меняла там на чеснок и удивляла меня знаниями таблицы умножения.

В поисках пропитания к нам каждую неделю, начиная с вечера субботы и с утра в воскресенье, приходили «городные» (так мы их называли), ходили по домам и меняли на картошку разный товар: отрезки материи, кофточки, кожаные кошельки, книги, журналы.

В Митинском овощесушильном заводе была сточная канава, которая выходила за пределы завода и протекала за роцей к торфяникам. В канаве этой любили рыться поросята и все чавкали. Кто-то сообразил проверить, что же они там находят. Проверили. Оказалось, что грязь на дне имеет все признаки наличия крахмала, который стекал вместе с водой в процессе мытья картошки и с годами осел там толщиной в 5–10 сантиметров. Начали черпать. Для этого придумали брезентовые сачки с редкими дырами для стока воды. Помню, как мама испекла блины из этого крахмала. Они были черные и пахли гарью. Она не советовала соединять зубы при еде, чтобы не было скрипа на зубах. Я как ни старался, не получалось. Больше мы их не пекли, возможно, еще и потому, что наша семья жила относительно благополучно.

Но так было далеко не у всех. Из наших жителей некоторые были вынуждены собирать милостыню. Собирали в других деревнях, подальше от своей. Стеснялись, не хотели, чтобы кто-то узнал. У нас же освоились нищие из других мест. Они регулярно ходили от дома к дому, и мы к ним привыкли, как к родным.

Света и радио у нас не было. Полная темень и абсолютная тишина осенних вечеров выводили нас «к звездам». Глядя на небо, мы рассуждали о бесконечности Вселенной и вечности мира, разговаривали друг с другом до полного осознания бессилия что-либо понять. Притом мы все были непосредственны и простоваты. Не забуду, как наши сверстники, узнав в школе, что Земля круглая, бежали к своим матерям и удивляли их новыми открытиями. Еще расскажу о своем друге Гене Гугине. Я был его старше на два года и являл собой непререкаемый авторитет для друга. Он был очень любознательный и доверчивый. Вот он меня спрашивает о птицах, просит рассказать, которые из них полезны, а какие вред приносят. Я ему поведал, как сам понимал. Спустя день или два он зовет меня тревожным голосом на все деревню: «Шурка, — кричит он, — скорей беги — вашему дому грач вред приносит!» Прибегаю и вижу обычную картину — на нашей крыше сидит грач и что-то теребит клювом. Нужно было иметь воображение, чтобы увидеть в его смиренных действиях злой умысел. Гена это видел и сильно волновался. Пришлось кинуть камень, чтобы прогнать «вредителя». По-видимому, грачей я причислил к вредным птицам. Гена прожил недолго. В первом или во втором классе он умер по непонятным причинам.

Низкий поклон

Из рассказа

Веры Ивановны Колчиной (Анохиной)

Впервые она встретилась с жителями деревни Губачево в апреле 1942 г., когда приехала в Кострому вместе с отцом и маленькой племянницей к сестре Зинаиде Ивановне Анохиной. Сестра оказалась здесь после госпиталя. При бомбежке города Новгорода она была ранена и вместе с бойцами армии попала в Костромской госпиталь. При выписке из госпиталя эвакупункт дал ей направление на Митинский овощесушильный завод. А на квартиру ее взяла Таисия Ивановна Гугина.

Ее семья после страшных бомбежек Новгорода и захвата ее немецкими войсками в потоке отступающих войск и людей покинула город 4 августа 1941 г. Но далеко их не эвакуировали, они остались во фронтовой зоне, с ужасами ежедневных обстрелов и бомбежек, еще на 9 месяцев, до апреля 1942 г. В их семье были ранены почти все, а младший брат убит.

В этой зоне были постоянные перемещения людей и техники. Раненые отправлялись в тыл, а выздоровевшие воины возвращались на фронт. Среди них мы случайно встретили человека, который рассказал о нашей сестре. Так они узнали, где

находится Зинаида Ивановна, а спустя время подалась в Кострому.

В Губачеве было довольно много эвакуированных: из Ленинграда, Боровичей, Москвы, Карелии и других городов. Из Новгорода были только они. В основном все эвакуированные работали на Митинском овощесушильном заводе, в том числе и она.

Губачевцев объединяло общее горе — война. Всем было очень трудно. И в это трудное время они делились с нами последним куском, одеждой. Помогали добрым словом. Вместе плакали над «похоронками», поддерживали друг друга и словом, и делом. У сестры на фронте погиб муж, и вскоре по приезде в Губачево умерла их мама, которая похоронена на Губачевском кладбище. Таисия Ивановна Гугина тоже осталась одна — погиб муж. Они с ней породнились: она стала крестной матерью ее маленькой племяннице. С той поры, несмотря на перемены в жизни, они держались друг друга вплоть до смертного часа этого родного человека. Царство ей небесное. Вера Ивановна всегда ее поминает в храме. А сколько внимания и чуткости уделяли им другие люди, например, Кислягины: Мария Гермогеновна и ее дочь — Соня; Мария Ивановна и Николай Дмитриевич.

До сих пор Софья Александровна Кислягина дружит с Верой Ивановной. Их дружбе уже 57 лет. Не каждый может похвастаться такой дружбой. До сих пор и в радости, и в беде они с вместе. Их подругой была также Валя Трунилова. До самой ее смерти они не теряли контактов, несмотря на то что Валентина Александровна после Губачева всю оставшуюся жизнь прожила даже не в Костроме, а в далекой Грузии и потом в Молдавии.

Навсегда остались в памяти Веры Ивановны прекрасные черты губачевцев: доброта, сопереживание, высокая культура возделывания земли как на своем огороде, так и на колхозных полях. Для этих людей характерны были опрятность в одежде, в содержании своего дома.

Директором Митинского овощесушильного завода в то время был Виталий Аносович Елисеев. На заводе трудились и местные, и эвакуированные. Директор очень внимательно относился к проблемам работающих. Как только войска на фронте стали одерживать победы, он отправил пятерых девочек учиться в Кострому. Они все поступили в индустриальный техникум и получили специальность. За это участие в судьбах людей низкий поклон Виталию Аносовичу.

Помнится, что еще рядом был бондарный завод. На этом заводе производили тары для солений огурцов и квашения капусты. В то время главными помощниками были лошади. На них перевозили мешки с продовольствием и иногда даже пахали поля. Хотя было несколько тракторов. А во-

дителями этих тракторов были женщины. Почему? — спросите вы. Кто доверил им такую трудную технику? В то время всех мужчин забрали на войну, остались одни женщины. Они сеяли, пахали, убрали урожай. Не случилось такого, чтобы оставили хоть один метр необработанной земли. Была важна каждая картофелина. На сбор урожая женщины надевали чистые сарафаны и шли в поля с такой энергией, словно был какой-то праздник. Всю продукцию Митинского завода отправляли на фронт, для поддержания сил нашей армии.

Все крестьяне в Губачеве были чистоплотны и образованны. Не было такого, что ты придешь в дом, а там неубрано и хоть одна скатерть грязная. Гостям на стол всегда подавали все, что было в доме, ничего не жалели. В селе зажиточными считались Кислягины, Серавины и Разживины. Как говорит Вера Ивановна: «Жили бедно, но достойно. Очень все дружили, но война брала свое. Действительно, все так и было. Каждый день к кому-нибудь приходила «похоронка», и это всегда было общее горе».

В Губачеве были своеобразные посиделки. В близлежащем селе Сельцо-Никольское находился клуб. Там иногда ставились спектакли. Самым запоминающимся для Веры Ивановны был «Медведь» Чехова. Также показывали кино «Руслан и Людмила». Часто приезжала художественная самодеятельность. А в селе на посиделках жители деревни пели песни, играли и танцевали. Самыми любимыми занятиями были игра на гармошке и провозание, а самыми популярными песнями считались «Синий платочек» и «Землянка». Иногда устраивались своеобразные музыкальные концерты. Солисткой в этих концертах была Розова, а трубами Розов и Парфенов. Теми долгими вечерами жители Губачева пытались отвлечься от тревожной мысли: а что будет завтра?

В годы войны

Рассказывает А.И. Серавин

Я вспоминаю иногда,
Как бегал в роще у пруда,
Где пас свиней на берегу,
Чтоб заработать на еду.
Еще с желаньем хоть чуть-чуть
Помочь колхозу «Верный путь».
То были тяжкие года:
Врагов армада налегла...
Чтоб нашей Родине стоять,
Ушли крестьяне воевать.
Злой рок не ведает вины —
Не все вернулись с войны.
Но слава павшим землякам,
Кто заградил пути врагам.

Мы часто бывали в городе за покупками. Заезжали и на базар. Однажды мне пришлось сведаться

туда за семенами капусты. Посеяли мы их на огороде и первое время радовались. Но вскоре поняли, что нас надули — вместо капусты у рассады появились все признаки брюквы. Делать нечего, натербили рассады этой самой брюквы и поехали на лошади на базар. Встали на бойкое место, и, как ни хвалили нашу брюкву, ее ни кто не брал. Чего только не придумывали, чтобы сбыть товар: и что она Забалканская, и что размером по чугуну. Все нипочем — всем нужна капуста. Что делать? Не выбрасывать же. Погоревали и решили податься на новое место, в такое, где нас не знают и никогда не найдут. Так мы подались в Заволжье. Так как рассада капусты и брюквы очень схожи между собой, то, не испытывая больше судьбы, решили продавать брюкву за капусту. На наше счастье, местные огородники особо приглядываться не стали, и дело пошло. Мы потирали руки от удовольствия. Но и пришла расплата.

На следующий год, не ведая беды, один из наших мужиков поехал в те же края и опять с рассадой. Он не знал о нашей проделке и был спокоен. А местные мужики были сильно обижены прошлогодним обманом и были «на чеку». Они признали в нем нашего земляка, и бедняге пришлось туго. После этого больше никто не шел на подобные авантюры.

Из рассказа Н. Ф. Зимихина

В 1943 г. я окончил 4 класса нашей Митинской начальной школы. Моя мама Серафима Дмитриевна убедила меня, что настало время работать. Да и

в школу-то ходить больше не в чем. Но мысль об учебе меня не покидала. Видимо, я тогда выказывал тягу к знаниям, которую заметили и мои друзья. Среди них был сердобольной души человек Толя Разживин. Он был старше меня на три года и ходил в Петриловскую школу, о которой мне много рассказывал. Видя мою тоску по учебе, он начинал потихоньку готовить меня к школе: откуда-то достал портфель, потом книги и вполне пригодные ботинки. Первого сентября 1944 г. в тайне от мамы я вместе с Юрием Курдюковым пошел в пятый класс. Когда мать узнала о моем самовольстве, она была сначала раздосадована, а потом примирилась.

Так с помощью добрых людей я успешно освоил курс неполной средней школы (тогда это было 7 лет), поступил в техникум. Потом было военное училище, партийная школа и становление мое как кадрового офицера Вооруженных сил СССР. Я до сих пор с благодарностью вспоминаю эту доброту ныне покойного Анатолия Трофимовича. Живя вдали от родного края, мне часто приходят на память картинки детства. Все мои дети и внуки знают эту историю и почитают дядю Толю как родного человека, человека с красивой душой. Такие люди в наше время почти перевелись. Но вот рассказываю я это и всякий раз жду, что засветится ответным огоньком лицо моих внуков. И мне радостно, что этот свет не погас. От наших корней из утерянного истока именем Губачево.

Встреча у новой часовни, на которой помещена памятная доска с именами всех погибших воинов Губачевского сельсовета (134 человека)

Памятник жителям села Никольское